

Надежда Чернова

ЛИСТВЕННОЕ СЛОВО

ЯНВАРЬ

Январский полдень.

Год сорок седьмой.
Я зиму не люблю, но той зимой
Я родилась – в трескучие морозы.
Снега сверкали. Серебрился бор.
Чтоб на меня взглянуть,
сбегали с гор,
Теснясь, толкаясь, молодые козы.

На красных соснах

в шишках смоляных
Глядели белки с веток ледяных,
Мелькала солнцем в ельнике лисица –
Она взглянуть хотела на меня,
И в колокольчик маленький звеня,
Ко мне летела жёлтая синица.

В больших снегах лежал Баянаул.
В руинах церкви поднимался гул,
Хоть колокол и свергли в околотке.
От церкви шли прямые старики,
В казачьих шапках, от молитв легки,
За поясами свернутые плетки.

Сверкнули на меня лучом косым,
И усмехнулись в бороды-усы:
Мол, поглядим, что вырастет такое,
Но всё ж перекрестили – пусть живёт!
Январский снег. Послевоенный год.

И похоронки всё ещё несёт
По свету ветер – нет ему покоя...

А мир живой по снегу шёл за мной!
Вот мой отец в шинели фронтовой –
Не выветрился дым пороховой
Из этой грубой, вытертой шинели.
Вот мама – в полушалке голубом,
Сияет свет над юным её лбом.
А вот меня заносят в отчий дом,
Где я качаться буду в колыбели.

Тут набежала, глянуть на меня,
Весёлая и шумная родня –
Она русоволоса и раскоса:
Переселенцы русских деревень,
Казачий круг, родов татарских тень,
Певучий говор беглых малоросов,
Сибирских поговорок горотьба –
Вместила всех просторная изба,
Украшенная хитрым узорочьем.
Узор точили деды и дядья:
Вот деревянный ландыш, вот ладья,
А вот – волна, а вот – крыло сорочье.

Изба пропахла мёдом. Красный рай
На полотенцах вышит: птичьих стай
Полным-полно, и дышит каравай –
Лежит он, как младенец, на ладони.
За печкою, где адский жар притух,
Клюёт анчутку золотой петух –

И корчится, бежит нечистый дух,
А во дворе его затопчут кони.

День угасал. Зажегся снег ночной.
И наклонилось небо надо мной
Мерцающим созвездьем Козерога.
В ночь уходила белая дорога.
Что ждет меня?
Что случится со мной?

* * *

Глазами чистого ребёнка
Глядит окошками мой дом,
Как с облаков, по нитке тонкой,
Сбегаёт солнце пауком,
Как два холма, набычась лбами,
Глощают ящерку на спор,
Как птица вьётся над холмами
И держит в клюве эхо гор,
Как, облаков раздвинув крону,
Идёт ко мне живой отец,
И мама с ним – по небосклону,
В сиянье радужных колец...

* * *

При сияющей звезде
Цапли ходят по воде –
Иероглиф или Слово?
Под небесным вечным кровом
Пусть живут себе везде,
Пусть не станут каплей туши
Или росчерком чернил.
Ты лишь контур уловил,
Но не души,
Но не души...

СТРАННИК

«Иди, – сказал Он снова, – и смотри!»
Как Палестина древняя горит,
Как плаваются и глина, и гранит,
Как рушится священная Пальмира.
Хочет дьявол, пляшет здесь и там.
Он напоказ свой выставляет срам –
Изгой небес и вечный ужас мира.

И как стада взбесившихся овец,
Народы гонит из конца в конец,
И нет нигде приюта и спасенья:
Повсюду кровь,
И слёзы,
И война.
Но чем сильнее ярится сатана,
Тем и молебнов громче песнопенья.

И сердцу открывается Душа,
И перед ней проходит не спеша,
В одеждах белых,
В радужном сиянье,
Господь по светлым тропам мироздания,
Туда, где в пепле пламя ворошат,
Где у огня кочевники сидят,
А рядом с ними псы сторожевые.
Теснятся овцы и грызут загон.
И ночь темна,
как будто тьма времён
Их обступает.

Сполохи кривые
Пронизывают небо иногда –
Опять бомбят.

В руинах города.
Но длится жизнь.
Со Странником пустыни
Здесь яствами делятся простыми:
Вот хлеб,
Вот сыр,
Вот свежая вода.

Как мало надо для души и тела,
Да чтобы ещё дудочка запела –
И улыбнётся, натерпевшись, люд,
Морщины влага радости омоет –
В глухое, беспощадное, немое
Земное зло те слёзы упадут.

Что есть на свете музыки чудесней?
И даже бес заслушается песней –
Замолкнет грохот пушек вдальеке.
А Странник тихо свой подхватит посох,
Пойдёт по лугу
в предрассветных росах –
Как и пришёл:
босой и налегке...

* * *

Уходит май,
 потом и год пройдёт.
 Чем дальше жизнь –
 тем время быстротечней.
 Охотится за бабочкою кот,
 Как и за нами
 тайный страх наш вечный:
 Любимых потерять, не удержать,
 Навек расстаться,
 в пустоту сорваться...

Но май, но жизнь, но солнце,
 и опять
 Зелёный воздух молодых акаций!

* * *

Дрозд и вьётся, и поёт,
 Хоть совсем не знает нот,
 Но он в пень безупречен.
 И горят на соснах свечи –
 Шишок будущих зачин.
 В мире счастье – без причин,
 Пока свод небесный вечен...

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ ЛЕТО

(цикл стихов)

1

Ослепительное Лето!
 Жжёт ступни песок прибрежный.
 Пахнет вереск на угоре
 Горькой вечностью земли.
 Чей-то голос отдаленный
 И влюблённый, голос нежный,
 Всё плывёт, плывёт над степью,
 Пригибая ковыли.

Это Жизнь моя проходит,
 Как во сне,
 цветущим лугом.
 Жжёт песок ступни босые,
 Солнце кожу золотит.
 Море катится от неба.
 Выкипает боль до соли.
 Ослепительное Лето –
 Зноя белого зенит.

2

Ослепительное Лето –
 Яркий свет в конце тоннеля:
 Завершенье Жизни старой –
 Новой Жизни торжество!

По лесам – цветенье хмеля.
 Колокольчики на елях.
 Смех ручья над птичьей сварой.
 Небеса полны листвою.

Я понять уже готова
 Это Лиственное Слово,
 Что поют леса на взгорье –
 Там, где тополь золотой.

Каждый листик тополёвый –
 Это имя жизни новой.
 Именами,
 Именами
 Вечный тополь шелестит!
 Но молчит, вовек не скажет,
 Что обронит, что завяжет:

Может, счастье,
 Может, горе
 Зажимает он в горсти...

3

Ослепительное Лето!
 День за днём оно проходит.
 Не по зимам век считаем –
 Исчисляем по летам.
 Только солнце, пестрень-поле -
 Краски яркие в природе,
 На платках, на сарафанах –
 Праздник птицам и цветам!

Как алхимик, в ступке белой
 Вновь художник растирает
 Глину, травы, хрупкий камень,
 Мёд и горькую смолу.
 Всё, что Лето накопило,
 Всё, что Лето растеряет,
 Соберёт он на палитре –
 И цветенье,
 И золу.

4

Ослепительное Лето!
 Ослепляй, пока жива я!
 В косу колосом вплетайся,
 Сыпь в ладони дождь слепой!
 А когда уйду навеки,
 А когда дойду до края,
 То сама я Летом стану,
 Прибегу лесной тропой.

Спишь, любимый.
 Сны – о Лете.

Прикоснусь лучом горячим
 И к губам твоим, и к шее
 С тонкой жилкой голубой.
 Ты проснёшься. Удивишься:
 До чего же был незрячим! –
 Молодым, весёлым Летом
 Я стою перед тобой!

5

Ослепительное Лето!
 Кто же летом умирает?
 Вот пшено перебирает
 Моя бабушка опять,
 И кидает птицам зёрна.
 Вот бельё в воде озёрной,
 Синей-синей,
 Горной-горной,
 Вышла мама полоскать.
 Вот отец идёт по лугу,
 По колосьям и соцветьям,
 С ним родня его большая –
 Под гармошку пляшет люд.
 И никто из них не знает,
 Что их нет уже на свете,
 Только эхо им ответит,
 Но они опять поют!

6

Ослепительное Лето!
 По разохшимся ступеням
 Поднимаюсь я от моря
 К белой хате в ранний час.

Там живу я, поживаю,
 А со мною – мои тени,

Те, кого люблю и помню.
 Шумно, весело у нас!

По углам – пучки полыни,
 Чтобы нечисть не пристала.
 Свежей глиной пол промазан.
 Чисто выскоблен порог.
 На широких крепких лавках
 Лоскутные покрывала.
 А на маленькой иконке
 Нас хранит младенец-Бог.

7

Ослепительное Лето!
 На воде играют блики.
 Расшалившаяся чайка,
 Как рыбёшек, ловит их.
 В камышах, в протоках – шелест,
 Плеск, любовных игрищ крики:
 Хоровод бобров тяжёлых,
 Танец бархатных бобрих.

Никому не помешаю –
 Гляну только из окошка,
 Помашу платочком Лету –
 Убегает по волнам.
 Только отблеск нестерпимый,
 Только алая дорожка
 Остаётся в море вечном,
 Целый миг сияя нам!

9

Ослепительное Лето
 Колесо судьбы вращает.
 Оно вечностью прельщает,
 Солнцем и луной большой.
 В мир зелёный, в мир цветущий
 Всех, кто выбыл, возвращает
 Детским плачем,
 Детским смехом,
 Снова чистою душой!

10

Ослепительное Лето!
 На лугу смеются дети.
 Ловят бабочек мохнатых,
 Красноватых, золотых.

Мир опять великолепен.
И опять на белом свете
Только детство,
Только счастье
Летних радостей простых.

Пчёлы, ящерики, улитки
Из домов укромных вышли.
Гуси, гуси над водою
Белой тенью пронеслись!
С облаков перо упало –
Его выронил Всевышний.
Ослепительное Лето!
Нескончаемая Жизнь!

* * *

Мгновенно летнее цветенье.
Всё даром, всё даётся в дар.
Вот так и жизнь промчится тенью,
А вместе с ней любовный жар.

И что останется, скажите?
Темна хладающая кровь...
И отвечает небожитель
Миров таинственных:

«Любовь!

Когда тебя твой жребий губит,
Когда вражда со всех сторон,
Когда никто тебя не любит,
Люби – и будешь тем спасён!...»

Кого?

Зачем?

С холодной кровью,
Кому ты нужен, пустоцвет?
«Люби! Спасает Бог любовью!
И ты спасёшься!» –

был ответ.

СТЕПНАЯ ЛУНА

...И вот она, пятнистая, большая,
Встаёт Луна, сминая камыши,
Бесшумной кошкой движется по краю –
По облакам живой моей души.

Тогда глаза туманятся тоскою,
И плачу я, и через ночь иду,
Пока Луна крадётся над рекою,
Охотясь на зелёную звезду.

Так по ночам в нас тайны оживают –
Дремучее, звериное чутье,
И ноздри диким пламенем пылают,
И лес, и камни запах источают,
И ароматом говорит быльё.

Всё тьмою скрыто.

Нет на свете красок.

Лишь запахи волнуются в ночи:
Овчиной пахнет маленький подпасок,
А воздух поля – таволгой горчит,
А где полно акаций – веет мёдом,
А где сосновый дух – там новый сруб.
И я, между закатом и восходом,
Иду к тебе – на запах твоих губ.

Ты снишься мне.

Ты манишь за собою –

За край земли, где нет конца и дна,
Пока большой, пятнистой, голубою,
Степную кошкой движется Луна...

ВОЛЧОНОК

Лесничий взял волчонка от волчицы,
Убитой кем-то...

Жалок был и слеп

Найдёныш. Он, едва успев родиться,
Был обречён.

Над ним кружили птицы.

Его спасла любовь – и он окреп.

Он привязался к девочке хозяйской,
И бегал с ней то в лес, то на гумно.
Он счастлив был,

жизнь казалась райской,

Пока его не взяли для кино.

Он был умён

и новый фильм прославил.

Его народ хвалил на все лады.

Потом уехал,
 а щенка оставил
 Среди степи, у высохшей воды.
 Он брёл, шатаясь, а трава всё гуще,
 На речь людскую, обходя волков,
 Пока чабан,
 отары стерегущий,
 Не грянул громом с красных облаков.

Упал волчонок в тёплые ладони
 Степного просолённого песка,
 И в этот миг проснулась на кордоне
 И закричала дочка лесника.

* * *

Во всех концах степи кипели страсти.
 Трава качалась – из конца в конец.
 Лисицы мчались – и у каждой в пасти
 Была полёвка или же птенец.
 И беркуты летели
 И в когтищах
 Несли ягнят.
 И жарким пепелищем
 Горел закат.

Угрюмый всадник на холме маячил.
 Он ворошил копьём сгоревший прах.
 Прошёл полмира.

Жизнь переиначил.

И побывал не раз на небесах,
 Но был отпущен...
 Видно, не готова
 Его душа отречься от страстей.
 Но тесно ей!
 Но выгорает снова,
 Как эта степь...

ЛЕГЕНДА О ПЕЧАЛЬНИКЕ

«Не знающий судьбы –
 сражён судьбой.

Во тьме он рыщет,
 как слепой шакал», –
 Так размышлял Печальник молодой
 И ничего о будущем не знал.

В горячем небе жаворонок пел,
 Любимая рвала цветущий мак,
 А он гадал, печален и несмел,
 Введёт ли он её под шанырак?

В тумане были будущие дни.
 И мучили Печальника они.

И говорит Печальнику мудрец:
 «Седлай коня и отправляйся в путь,
 Как встанет солнце в радуге колец,
 Когда лучи ударят в твою грудь.

Но примечай,
 что встретишь среди полей –
 В том будет знак
 твоих грядущих дней!..»

И поскакал Печальник по степи,
 Лишь поднялась росистая трава,
 Лишь только луч рассветный ослепил
 И у реки проснулись деревья.

Он был печален. Он в седле молчал.
 Но всё теперь, что видел, примечал.

По всем холмам, по лугу, через яр
 Струились овцы в разные концы,
 Но не было приплода у отар,
 Хоть молоком наполнены сосцы.

Один ягнёнок маток всех сосал,
 Но утоленья голода не знал.

Стояла юрта посреди земли.
 Земля цвела, приманивая взор.
 Устал Печальник.

Конь его в пыли,
 Ещё не отдохавший до сих пор.

Вошёл Печальник в юрту, только в ней
 Лишь мертвецы лежали у дверей.

И поскорей покинул он приют,
 Где в очаге не вспыхнет уголёк.
 Тут он увидел: девушки бегут
 И свет струится от бегущих ног.

Он полетел вослед, Печальник наш,
 Но не догнал их – это был мираж...
 Вернулся грустный юноша назад,
 И поклонился старцу у ворот.
 И так сказал:

«Я видел море стад,
 Но маток их один едок сосёт.
 Я видел землю и богатый дом,
 Но мертвецы лежали в доме том.
 Я увидел красавиц этих стран,
 Но мы с конём догнать их не могли:
 Тянул я руки,

но один туман
 Стекал с моих ладоней в ковыли...»

И молвил старец: «Истина груба –
 Перед тобой была твоя судьба!

Стада овец –
 покорный наш народ:
 Немало бед и горя у людей.
 Его ягнёнком день и ночь сосёт,
 И жаждет вновь властитель и злодей.

Богатый край и юрта – это мы:
 Снаружи и пригожи, и добры,
 Цветём узором праздничной кошмы,
 Звеним струной певучею домбры.

Так хороши мы с ног до головы,
 А вот внутри – зловонны и мертвы.

Красавицы,
 бегущие, как свет,
 Которые ушли от скакуна,
 Твоя мечта –
 твоей любимой нет,
 Пока ты ездил – умерла она...»

Седая прядь горит на юном лбу
 И росчерком ножа –
 морщинок сеть.
 Зачем хотел он разгадать судьбу,
 Грядущий день хотел он разглядеть?

Уж лучше бы на милую глядел,
 Пока жила и жаворонок пел...

* * *

К земному любовь ослабела –
 Небесного жаждет она.
 Душа воспарила над телом
 На грани таинственной сна.

Но вздрогнул отживший валежник
 В моих светозарных лесах,
 И вышел на волю подснежник
 В сияющих детских слезах.

Как голубь, забила крылами
 Душа моя в клетке живой –
 А, может, не в клетке,
 а в храме,

Где небо над головой?..

* * *

Живу среди бурь и среди дождей,
 Среди живых и среди ушедших,
 Среди поэтов сумасшедших
 И обезумевших вождей,
 Как жили до меня когда-то...

В морских полуночных раскатах
 Я слышу эхо давних лет:
 Вдоль скал бредёт босой поэт,
 Обросший дикой бородою.
 С камнями, с радужной звездой
 Он говорит, он стих поёт.

Никто его не хочет слушать,
 Лишь камни этой влажной суши,
 Лишь в звёздах чёрный небосвод...

* * *

Уехать бы к морю зелёному,
 Пройти по песочку калёному
 До синих причудливых скал.
 Всё счастье –

и волны бегучие,
 И птицы под низкою тучею,
 И слёзы мои, и тоска –
 Ведь это живое, болючее,
 Ведь это со мною пока...

КНИГА РОДА
(пунктирная повесть)

Ослепительным было лето!
Ночью вспыхивали зарницы.
Перепёлки в траве кричали. Говорила с песком вода.
И в лице твоём иногда
Проступала то сталь варяга, то славянская простота,
Та, что верит в Каурок вещей,
То монгольский прищур зловещий,
То небесная чистота...

Ты курил самосад и молча наблюдал за костром безумным:
Он плясал, как шаман, в лохмотьях, ярко-красных и голубых.
А потом поднимался пепел – долго-долго, как прах столетий.
И при этом призрачном свете
Распахнул ты Книгу большую –
Она пахла пылью медовой, и страниц шелестел поток.
И тогда я узнала повесть твоей крови, ей русло – рок,
И причудливы все изгибы её медленного течения,
И куда повернёт однажды – это ведает только Бог!

Говорят, в роду твоём были летописцы – сидели в кельях,
И от них тяготенье к Слову и в душе несказанный свет.
Это бабкина ветвь. На ветви – тьма листвы многих русских судеб,
Прикрепился к ней даже Пушкин, но о том в твоей Книге нет,
А в преданьях – осталась тайна: был в роду Александр Сергеич,
И была с ним неосторожна одна девушка без затей.
Был ещё среди вас Романов, из великих самых князей,
И другие князья – татары, из Орды Золотой, женились
На красавицах подмосковных – их походки, как пух, легки.
Был заводчик, но его дело отобрали большевики,
Самого – поставили к стенке, а на дочку его польстился
Комиссар в хрустящей тужурке. Правда, пожилы малый срок:
Всех загнала под ноготок
Власть, летя от побед – к победам!
Был расстрелян и комиссар, и заводчика дочка следом,
Чтоб врагам был живой урок!

Но, однако, мы слишком быстро твою Книгу сейчас листаем.
Век двадцатый начался только, и неведом его итог...

А пока – на склоне июня был убит Фердинанд, эрцгерцог.
Уже яблони дали завязь, волновалась полей волна.
Ослепительным было лето!
Но война разразилась всё же.
Как некстати, ах, как некстати! Твоя бабка ведь влюблена!

И твой дед так влюблён! Он – воин.
Как Георгий Победоносец, он прекрасен в седле
И пеший,
Среди лип, источавших мёд,
Он прекрасен, ведь он – поёт!

В его сердце, в душе парящей
Пели бабочки всех полей,
И горел огонь настоящий
В каждой песне счастливых дней.

Но – война!

Он погиб бесславно, в день сырой, посреди Европы.
Низко небо над ним летело – и сворачивалось оно,
Будто воин стал Иоанном, будто видел, как свиток тверди
Ангел скручивал, и открылось вечной бездны немое дно.
Там не билось живое сердце.
Даже тени там испарялись.
Там не знала душа любви.
Но он выжил, пройдя сквозь ужас.
И вернулся он. И с любимой
Обвенчался январским утром в церкви Спаса, что на Крови.
Мир сиял полнозвучным солнцем.
Снег искрился, качал карету,
Снег январский слепил глаза.
И над радостными полями,
Над равниною русской, долгой,
Натянул Господь Милосердный обновлённые небеса!

Был у деда в роду Мицкевич, или Байрон – темно преданье.
Был один крепостной художник и певица из-за морей –
Не понравился холод ей,
Но зато был хорош любовник.
Зацвёл под окном шиповник,
И солома светилась в риге.
Дедов род расширял свой круг:
Были беглые каторжане, и священники, и расстриги,
И опять же, опять был Пушкин!
Что за странность, ей-богу, друг?
Каждый, кто хоть немного русский,
Каждый, русским крещёный Словом,
Неприменно и неизменно с кровью пушкинской был сроднён.
Жаль, о том умолчала снова твоя Книга воспоминаний,
Но зато подробно описан красный бешеный эскадрон.

А потом клубок покати́лся – через голод, войну, расстрелы.
И добрался он до Карлага, пыль с колочками нацепив.
От мороза звенело небо, и от зноя оно звенело,
А ещё звенел колокольчик смеха девичьего в Степи.

Там отец твой спознался в юрте со степнячкой, чьи косы пахли
Молодой цветущей полынью, а ладони пахли – огнём,
И огнём полыхало платье, вмиг раздутое летним ветром,
Если мать по Степи бежала на свидание босиком.
От неё – смуглота и скулы, от неё – на ресницах слёзы,
Если вздрагивают две жилки на виске у степной домбры.
Материнская кровь густая перекрыла густые крови
Всех великих и невеликих, всех – кто грешны и кто добры.
Но порой её внучка скажет что-нибудь простое – стихами,
А потом захохочет звонко, так, как Пушкин один умел,
И головку от смеха вскинет, в завитках, будто море ночью –
Море Африки.
Ай, да Пушкин! И степную кровь одолел!

Ослепительным было лето!
Догорел костёр, и заснули
Заполoshные перепёлки, спрятав голову под крыло.
Собеседник мой встал, устало, как окно, затворил он Книгу:
Что записано – то сотрётся, а преданья – они живут.
Таял мрак.
Распылялся пепел.
Разбегались волками звёзды.
Ослепительным было лето,
сея плевелы, сея злак...

